

15.06.91

Советская Молочница - Рига - 1991 - 7 июля -
ГОСТЬ (N 77-80) - с. 7

СМ

Лет десять назад мне посчастливилось попасть на концерт Аркадия Райкина. В первый, а может, и в последний раз я увидела и ощутила в атмосфере зрительного зала преклонение, взволнованность и невероятную любовь. Когда он вышел на сцену, весь зал встал, приветствуя великого Артиста, и спектакль долго не начинался... Говорят, на дачах гениев природа отдыхает. К счастью, меньше всего эти слова можно отнести к Константину Аркадьевичу Райкину. Он заслуженно любим и популярен, и на его концерты так же невозможно попасть, как когда-то на отцовские. Недавно он побывал в Риге, и я с большим удовольствием взяла у него интервью.

- В наследство от отца вы получили театр "Сатирикон"...

- Ну, да-а, в наследство, да, это его театр, но это...

- Я сложный вопрос задаю?

- Сложный, потому что он неуютный. Это может быть двойко понято. Очень часто мне задают другой вопрос, с подковыркой, что ли: а вот если бы вы не были сыном Аркадия Райкина, вы бы получили этот театр? Дескать, по благу получили. Но это же не костюм передать. Театр - это предмет одушевленный. Это же люди, судьбы, такая ответственность...

Мне смешно быть сыном Райкина в 40 лет. Я понимаю, что для кого-то я и умру сыном Райкина, но я никому ничего не стараюсь доказать. Надо, чтобы театр был лучше. И мы - театр аншлаговый, один из немногих в Москве, куда ходят зрители и трудно попадают. Это свидетельство того, что руковожу я им не зря. Это вещь объективная, ведь по благу успеха не бывает. Вот сегодня я буду выступать и знаю, что все билеты проданы. На сына Райкина интересно смотреть минуты три. Но дольше этот зоопарк длиться не может. На четвертой минуте я должен что-то предьявить, чтобы они остались в зале сидеть. И если зрители досиживают до конца, а потом еще приходят, значит, я из себя что-то представляю и что-то предьявляю помимо родственных связей со своим отцом.

По-другому на этот вопрос можно ответить так: конечно, если бы я не был сыном своего папы, конечно, этот театр не был бы моим. Но мне кажется, что театру было бы хуже тогда, потому что уже в течение шести лет при жизни папы я очень много занимался этим театром - надо было ему помогать, у него уже сил не хватало. Он пригласил меня, потому что интуитивно, а потом уже и сознательно хотел, чтобы его дело продолжалось. Конечно, глупо в нас видеть буквально продолжение Аркадия Райкина - этого быть не может и не должно.

- Аркадию Райкину как бы все было позволено, но были определенные границы. Вам сейчас можно все, но изменилось время, зритель. Как вы считаете, кому из вас легче работать?

- Конечно, ему было сложнее - он просто рисковал жизнью, должен был проявлять элементарную человеческую смелость. В другом смысле труднее нам, потому что раньше называли черное черным, а белое белым уже было актом мужества и как бы актом искусства. Сейчас, когда все можно говорить, театр должен заниматься искусством, а все уже забыли, как это делается. Сатира назывательная уже не проходит, потому что этим занимаются газеты, радио, телевидение.

Еще при папе мы перестали называться театром миниатюр. Он понимал, что таким языком говорить уже нельзя. Он очень мучился, потому что авторы были те же и писали по-старому. А он человек живой был, поэтому два последних года не мог выпустить новую программу.

Про перестройку сегодня никто смотреть не хочет. Слово девальвировалось, стало просто

глупым, хотя оно и раньше было глупым. С тем радостным чувством, с которым оно произносилось, это все равно, как раньше мы говорили "продовольственная программа". Говорили и пытались придать этому какой-то пафос. А это просто "караул!" по-другому называется. Так же и перестройка - караул! Люди из дураков пытались превратиться в хитов в полудурков - вот и весь пафос. Когда это делается в рамках нашего строя - это глупо. Я верю в глобальные перемены, а не в политические партийные мероприятия. Смертный приговор всему этому безумию уже подписан. Это страшно, что происходит, - агония, умирание безумства. Когда они говорят: мы не уступим наших завоеваний, - они, конечно, свято в это верят, потому что это их личные завоевания и, разумеется, они их не уступят. Но время их все равно сметет.

Я говорю это к тому, что не хочется смотреть спектакли на том уровне, на каком мы смотрим те-

перь. Это попадает в самое сердце, а это так дефицитно и необходимо.

- Вопрос, к сожалению, ставший в последнее время традиционным в разговорах со "звездами": не собираетесь ли вы эмигрировать?

- Я очень много езжу с театром по всему миру, и мы имеем громадный успех. Не просто громадный - гигантский, триумф. Но... это чужие страны, чужие... Там чудесно гастролировать, но жить... Я все время думаю: та пьеса сложилась без нас. Нет там такой роли - Костя Райкин, не написана. А здесь есть. Я играю в этой пьесе, ну, не самую главную роль, но достаточно большую. Уродливая пьеса, бездарно написанная, но есть места, где я сейчас говорю. Все молчат, а я говорю. Понимаете?

Мысли такие приходят иногда в голову, потому что за детей больно и обидно. Я думаю, почему моя дочка Полина, которую я люблю не меньше, чем какой-ни-

морда", то я съезжу, но не в Израиль, а в Харро.

Там надо было родиться, а родиться не повезло. Если бы мой папа родился в Америке, он был бы артистом знаменитым на весь мир - как Чарли Чаплин. Меня спрашивают: что этот строй дал вашему отцу? Да ничего, кроме инфарктов. Отец отвечал: материал дал. Лучше бы он его не давал. Папа со своим талантом нашел бы его где угодно.

- Скажите, Костя, а почему все-таки Аркадия Райкина минувала участь многих его коллег? Почему ему все прощали?

- Во-первых, потому, что ве- зучий, хотя почему его не поса- дили при Сталине - это до сих пор загадка. Он позволял себе такие вещи... Это, конечно, не высшая степень остроты сейчас, но по тем временам... Помимо элемен- та случайности, который здесь явно присутствовал, он еще был человеком 150-процентного обя- ния. Это было невероятно, что он проделывал с начальством. Мягко, как бы очень незаметно. Я много раз был свидетелем, как он проходил в любые кабинеты, как заставлял секретарши и ре- шались все, самые нерешаемые вопросы. Он никогда не повы- шал голоса, мягко говорил - и это было похоже на гипноз. Беспре- цедентный случай - весь театр, включая рабочих сцены, освети-

ны были начаться гастролы. Как об этом узнал фюрер, я не знаю, но назавтра он начал бомбить го- род". Так что с тех пор папа был знаком с Брежневым, и это тоже, конечно, имело очень большое значение.

- Вы, конечно же, не хотите, чтобы ваша дочь тоже стала ак- трисой?

- Ну почему? Я хочу, чтобы она стала тем, к чему ее природа рас- положила. Не надо ни пихать в эту профессию, ни отгораживать от нее. Любой voluntarизм здесь преступен, потому что эта профессия может быть и самой счастливой, и самой несчастной. Если ты средний артист - это ужасно. Ну слава Богу, если ты дурак и не понимаешь этого. А если нет? Это ужасно трудно вы- нести, это видят тысячи людей каждый вечер. Но если ты из се- бя что-то представляешь - это за- мечательно.

- А вы когда-нибудь комплексу- ете сами? Ведь у каждого человека бывают периоды сомнений, неве- рия в свои силы?

- Очень часто. Актеры очень уязвимы. Очень. Одна репети- ция не так пройдет - и ты начина- ешь раздумывать вообще о своей пригодности к этой про- фессии. И так будет всегда. Это не зависит от твоего предыду- щего опыта и успеха. Господи, ду- маешь, они никто не понимают, какое ты дерьмо. Они никто не знают, что ты не можешь ничего. И каждая новая работа связана с каким-то периодом или момен- тами глобальных сомнений: го- ден ли ты? Может, это по-идиот- ски выглядит со стороны, но ты будешь дураком еще большим, если станешь думать: ну, как, ну, за мной же... я же заслуженный артист республики... как же уж... Вот это еще глупее. Бывает такой счастливый характер - актер за- имел успех и раз и навсегда ре- шил, что он интересен. А есть не- счастливый характер, как у меня: я все время сомневаюсь. Во вся- ком случае, довольно часто. Но мне такое счастье, о котором я сказал, не нужно. Пусть лучше та- кое несчастье будет, но оно дает возможность всегда развиваться. Всегда - потому что сомнения в некотором количестве очень хороши.

- Где вы "зализываете" раны? Кто поддерживает вас в трудные минуты?

- Друг, сестра, жена Лена - она актриса моего театра, и, конечно, дочка Полина. Ей три года. Она родилась дома, в ванне, я сам ее принимал. Мы так решили. Я ко- гда-то занимался биологией, при- нимал роды у слона и у жирафа. Я подумал, что у жены-то просто обязан, иначе она обидится. Доч- ка нас радует. В полтора года она знала весь алфавит, а сейчас уже читает.

- Были ли у вас в последнее вре- мя какие-нибудь прекрасные по- трясения?

- "Поминальная молитва" у Марка Захарова, кстати, - Шо- лом-Алейхема. Мне кажется, что это сейчас лучший спектакль в стране и лучший театр. Потом что-то прочтешь... Все время за что-то цепляешься. Без этого нельзя жить и нельзя выходить на сцену.

- И последний вопрос. Почему вы театру "Сатирикон" не посе- тить Ригу?

- Вы знаете, с гастроллями по стране стало довольно сложно, потому что они не имеют финан- сового смысла. В лучшем случае - по нулям. Я не имею права не думать об этом, потому что театр - это деньги. Мы богатый театр, аншлаговый, но все равно при та- ком безумном подорожании нужно все время считать копей- ки. Любые гастролы сейчас прак- тически не имеют смысла, пото- му что на дорогу и гостиницу уйдут все деньги, которые мы за- работаем. Смысл есть только по части моральной - сменить пей- жаж, встретиться с новыми люди- ми, полюбоваться Ригой, отдох- нуть здесь душой. Рига очень теплый и довольно родной для меня город. Папа здесь родился и часто отдыхал в Юрмале, а я вместе с ним.

- А может, мы найдем спонсо- ров, бросим клич через газету?

- Давайте. Все предложения можно отправлять по адресу: Москва, Шереметьевская улица, 8, театр "Сатирикон". Я знаю, что, если бы мы приехали сюда с театром, зрителям бы понравил- ось.

- Спасибо за интервью и... ждем вас в Риге.

Инна КАНЕВСКАЯ.
Фото
Анатолия ШУТЕНКОВА.

УСПЕХА

по благу не бывает

левизионные передачи. Нужен атакующий театр, который дает ощущение праздника. Зритель сейчас в стрессовом состоянии, его нужно бить по башке, надо вертеться на пуле и обязательно над жизнью либо возвышаться, либо ракурс очень менять. Про- сто на нормальный спектакль зритель уже не пойдет. Мне ка- жется, что сейчас вопрос "как" го- раздо важнее, чем "что" в театре. Если просто сделаешь праздник, радость, почти безумие - это уже хорошо. В этом феномен "Прин- цессы Турандот" театра Вахан- гова. Почему в 22-м году в голо- дной Москве люди рвались на этот спектакль? Потому что это не про реальную жизнь, потому что отдых, просто радость, праздник актерства, хулиганства, какой-то театральности. И не надо этого стесняться.

Я всегда пытаюсь предста- вить, как папа отнесся бы к той или иной вещи. У нас сейчас идет замечательная безделуха "Ба- дадский вор", где поют и танцуют ребята - и так хорошо это делают, что каждый раз смотрю с удо- вольствием, хотя сам в спектакле не участвую. Еще у нас вышел спектакль совместно с театром А. Чехова "Там же, тогда же..." - это вещь, где люди плачут и смеются. В ней нет ни политики, ни сатиры, но полно юмора и трогательно-

будь папа в Америке. Норвегии или Израиле, почему она должна дышать этим отравленным воз- духом и есть эту пищу? Что, она хуже тех детей? Но решиться на это - значит расстаться со своей профессией и с нужностью своей расстаться. Родина там, где ты нужен. Здесь я нужен ко- му-то. Это страшная страна, со- вершенно чудовищная. Я патри- от этой культуры, но не этого строя, не этого правительства. Я не то что в них сомневаюсь, я это все не люблю. Может быть, даже ненавижу. Хотя я был членом коммунистической партии - это самый большой грех в моей жи- зни. Я понимал, что беспартийно- му молодому еврейскому театру просто не дадут. Это маленькая за- цепка для моего оправдания, хо- тя она не может быть полным оп- равданием.

Но я патриот этой культуры. Я совершенно русский человек, если цивилизованно определять национальность - не по крови, а по принадлежности души. Мои любимые писатели - Достоев- ский, Толстой и Гоголь, а не Шо- лом-Алейхем, хотя он тоже за- мечательный писатель. И мой отец - это неотъемлемая часть русской культуры. А кто по- дру- гому думает - тот сволочь. И если кто-то скажет мне "жидовская

телей и костюмеров, поменял прописку, переехал из Ленин- града в Москву. Все получили квартиры. Это было решено в те- чение 15 минут.

- А почему театр переехал?

- Ленинград - замечательный город по части зрителей и отвра- тительный по части начальства. Жданов, Толстиков, Козлов, Ро- манов, Гидаспов - они же всегда впереди паровоза. В Москве бы- ло значительно легче, и папа поч- ти всегда сдавал спектакли там.

- А его приглашали на "при- дворные" концерты?

- Приглашали порой. В свое время даже на дне рождения Сталина выступал. Перед Хруще- вым читал такие вещи, что мы ду- мали: домой не вернется. Кажет- ся, один раз к Брежневу пригла- шали. Но с Брежневым они были знакомы еще по Малой земле - папа там с театральной бригад- кой выступал. А первый день войны застал его в Днепропет- ровске, где Брежнев был пер- вым секретарем не то обкома, не то горкома. Он дал им вагон, что- бы вывезти театр.

Папа обычно так начинал свои рассказы про войну (кстати, у не- го несколько боевых орденов, бригада очень смело разъезжала по фронтам): "Мы приехали в Днепропетровск, и завтра долж-